

DOI: 10.31696/S086919080036172-6

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИРИЙСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ
ОБЩИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.
ЧАСТЬ II. СКОЛЬКО ХРИСТИАН БЫЛО В СИРИИ В 2024 г.?

© 2026

Т.А. БОКОВ^а^а – НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8477-6639; tbokov@hse.ru

Резюме: В данной статье исследованы демографические изменения, произошедшие в христианской общине Сирийской Арабской Республики (САР) в период вооружённого конфликта. Проанализирована собранная автором в «поле» в 2019–2024 гг. информация (развёрнутые интервью с местными христианами и сведения, полученные в ходе поездок по стране), данные Римской курии о восточнокатолических общинах, а также материалы СМИ. Показано, что: территории, где были наиболее активны террористы (Идлиб, Заевфратье), сегодня практически полностью оставлены христианами; в большинстве районов, включая крупнейшие города (Алеппо, Дамаск, Хомс), численность христиан снизилась в три раза и более; лишь в отдельных поселениях (Мхарда, Скайлябия, Сафита, деревни Вади-ан-Насара) христиане сохранили доконфликтную численность. Сделан вывод о том, что к концу 2024 г. «на марше» был процесс фактической дехристианизации САР: численность христиан там сократилась примерно до 450 тыс., а их доля в населении упала до уровня 2% или ниже. Отмечено, что эти изменения обусловлены прежде всего массовым отъездом христиан в страны Запада из-за деградации ситуации в сферах безопасности и экономики, а также политической неопределённости. Акцентированы наиболее тревожные тренды: быстрое уменьшение числа сельского христианского населения, традиционно служившего залогом сохранения местных христианских общин как таковых; преимущественный отъезд граждан репродуктивного возраста; фактически нулевая репатриация. Выдвинуто предположение, что, учитывая особенности современной политической культуры Сирии, новые исламистские власти могут использовать падение доли христиан в населении страны до пренебрежимо малых значений как предлог для отказа в учёте их политических запросов при формировании нового государственного устройства. Подчёркнуто, что шедшее с 1960-х гг. вымывание христианской компоненты ослабляло социальную базу баасистских властей и, как следствие, стало важным фактором, обусловившим их неспособность эффективно реагировать на угрозы в 2010–2020-х гг.

Ключевые слова: Сирия, арабы-христиане, восточнокатолические церкви, демография

Для цитирования: Боков Т.А. Демографические процессы в сирийской христианской общине во второй половине XX – начале XXI вв. Часть II. Сколько христиан было в Сирии в 2024 г.? Восток (Oriens). 2026. № 1. С. 207–217. DOI: 10.31696/S086919080036172-6

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE SYRIAN CHRISTIAN COMMUNITY,
SECOND HALF OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURY.
PART II. HOW MANY CHRISTIANS WERE THERE IN SYRIA IN 2024?

© 2026

Timofey A. BOKOV^a

^a – HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8477-6639; tbokov@hse.ru

Abstract: *This article analyzes demographic change within the Syrian Christian community during the armed conflict. The study draws on field data collected by the author in 2019–2024, including interviews with Syrian Christians and observations made while traveling across the country, alongside Vatican statistics on Eastern Catholic communities and media reports. The findings show that areas of intense terrorist activity, notably Idlib and the trans-Euphrates region, have been almost entirely abandoned by Christians. In most regions, including major urban centers such as Aleppo, Damascus, and Homs, the Christian population declined threefold or more. Only a limited number of localities, including Mhardeh, Suqaylabiyah, Safita, and villages of Wadi al-Nasara, retained pre-conflict population levels. It is concluded that by the end of 2024, Syria was undergoing de facto de-Christianization: the number of Christians fell to about 450,000, and their share of the population dropped to roughly two percent or less. These changes are primarily explained by mass emigration to Western countries caused by worsening security situation, economic collapse, and political uncertainty. Particularly alarming trends include the rapid decrease of rural Christian communities, the predominance of emigrants of reproductive age, and the nearly complete absence of return migration. It is argued that, given contemporary Syrian political culture, new Islamist authorities may exploit Christians' decline in numbers to disregard their political demands. It is also pointed out that the erosion of the Christian component since the 1960s weakened the social base of Baathist rule and contributed to its inability to respond to challenges in the 2010–2020s.*

Keywords: Syria, Arab Christians, Eastern Catholic Churches, demography

For citation: Bokov T.A. Demographic Processes in the Syrian Christian Community, Second Half of the 20th – Early 21st Century. Part II. How Many Christians Were There in Syria in 2024? *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 1. Pp. 207–217. DOI: 10.31696/S086919080036172-6

В первой части этой статьи [Боков, 2025] была показана важность исследования демографических изменений в среде христиан Сирийской Арабской Республики (САР) как для анализа происходящего внутри их общины, так и для более полного понимания политических процессов, протекавших в стране в последние десятилетия. Было также установлено, что во второй половине XX – начале XXI вв. численность христиан Сирии росла, однако при этом их доля в общем составе населения неуклонно снижалась и к 2010 г. находилась в диапазоне между 6% и 8%, причём вероятнее всего – ближе к его нижней границе.

Начавшийся в стране в 2011 г. вооружённый конфликт имел разрушительные последствия для всех компонентов сирийского общества, включая христиан. Дестабилизация обстановки в области безопасности и перманентная деградация экономики придали импульс их эмиграции за рубеж и, несомненно, привели к дальнейшему снижению уровня их представленности в социуме страны. Однако единства в оценке количества остающихся в Сирии христиан в настоящее время нет. Государственный Департамент США и ЦРУ

полагают, что их в стране порядка 10% (исходя при этом из того, что всего в САР проживает порядка 23 млн человек) [U.S. Department of State, 2023, p. 5; CIA, 2025]. МИД России занимает схожую, хотя и более аккурратно сформулированную («менее 10%») позицию [МИД, 2025]. Это – довольно консервативная точка зрения (вполне характерная для крупных государственных структур), подразумевающая, что численность христиан Сирии в последние десятилетия фактически не снизилась. Работающие в САР международные НКО, а также многие исследователи полагают, что на самом деле процент христиан в сирийском обществе сегодня значительно меньше. Так, по данным международной католической благотворительной организации «*Aid to the Church in Need*» на конец 2023 г. в стране оставалось около 200 тыс. христианских семей, т. е. примерно 600–700 тыс. человек из 1,5 млн, проживавших там накануне конфликта [Aid to the Church in Need, 2023]. С ними согласны и аналитики международной НКО «*Open Doors*», занимающейся вопросами преследований христиан: по их оценкам, на 2017 г. половина или более христиан Сирии покинули страну [Ashdown, 2021, p. 49]. Схожее мнение (850 тыс. человек, 4%) ещё в 2013 г. высказывал французский специалист Бернар Эйберже [Heyberger, 2013, p. 17]. Ещё пессимистичнее смотрит на вопрос сиро-ливанский исследователь Башар Рахма, который со ссылкой на подсчёты не названных им благотворительных организаций, «имевших присутствие на земле», утверждает, что на 2021 г. в стране оставалось лишь порядка 300 тыс. христиан [Rahma, 2022, p. 81]. Наконец, по данным авторитетной «*World Christian Database*»¹ (WCD) на 2020 г., в стране проживало 669 тыс. христиан, составлявших 3,4% от всего населения [World Christian, 2025]. Оценить степень достоверности приведённых выше данных не так-то просто, поскольку источники и методология исследования ни в одном из перечисленных выше случаев не раскрываются.

Столь существенные разногласия следует, как представляется, объяснить тремя основными факторами, затрудняющими получение необходимой информации:

- Отмеченное в первой части статьи отсутствие официальной статистики по этноконфессиональному составу населения Сирии после 1960 г.;

- Фактическая табуированность этноконфессиональной проблематики в общественно-политическом пространстве страны на протяжении последних десятилетий, затруднившая работу с информантами «на земле» и обусловившая высокую вероятность политической ангажированности появившихся в публичном пространстве оценок;

- Катастрофические последствия вооружённого конфликта. По данным Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев на декабрь 2024 г., порядка 6,5 млн сирийцев проживали в качестве беженцев за границей (преимущественно в соседних с САР Турции, Ливане, Иордании и Ираке, а также в Германии и других странах Запада), ещё более 7,2 млн человек являлись т. н. внутренне перемещёнными лицами [UNHCR, 2024]. С учётом того, что в 2010 г. в САР насчитывалось порядка 22–23 млн граждан, получается, что в результате конфликта более половины из них были вынуждены покинуть свои дома. При этом стоит отметить, что статистика УВКБ ООН не учитывает ту довольно большую массу сирийцев, которые выехали за границу не в качестве беженцев, а на учёбу, работу или просто воспользовавшись имеющимся вторым гражданством.

В сложившихся условиях инструментарий для точного определения этноконфессионального состава населения САР на текущем этапе, включая и численность христианской общины, по сути, отсутствует. Однако можно попытаться дать приблизительную оценку, проанализировав имеющуюся информацию об изменениях, произошедших в период с на-

¹ За возможность работы с этой базой я глубоко признателен издательству «Brill», Библиотеке НИУ ВШЭ и лично заместителю директора библиотеки В.В. Пислякову.

чала сирийского конфликта в 2011 г. до падения правительства Б. Асада в декабре 2024 г. В рамках этой статьи я буду опираться на следующие источники:

- результаты развёрнутых интервью с 20 представителями² христианской общины САР, проведённых мною в конце 2023 – начале 2025 г., а также сведения, полученные в 2018–2024 гг. в ходе служебных³ поездок по стране, как правило, в рамках краткого общения с местными жителями;

- данные Римской курии о численности проживающих в САР последователей различных восточнокатолических деноминаций⁴;

- информацию международных СМИ, которые довольно активно освещали положение христиан на неподконтрольных правительству Б. Асада территориях (Идлиб и Заевфратье).

Имеющиеся сведения свидетельствуют о том, что количество проживающих в Сирии христиан после 2011 г. снизилось самым драматическим образом. Наиболее катастрофическая ситуация предсказуемо наблюдается в тех районах, которые в своё время были или на 8 декабря 2024 г. оставались под контролем радикальных исламистов. Так, к примеру, в северо-западной провинции Идлиб, большая часть которой ещё с 2015 г. была занята боевиками альянса «Хейат Тахрир аш-Шам»⁵, десяти тысячная община сократилась до нескольких сотен человек⁶, а в одноимённом административном центре в 2017 г. и вовсе проживал лишь один христианин [Al-Monitor, 2022]. В другой «столице» губернаторства, г. Дейр-эз-Зор, часть районов которого в 2015–2016 гг. находилась под контролем «Исламского государства»⁷, в 2022 г. оставалось лишь две христианские семьи из некогда крупного сообщества⁸. Менее 10% жителей вернулись и в ассирийские деревни в районе р. Хабур в провинции Хасеке, которые в феврале–мае 2015 г. были захвачены игильщиками [Syria Direct, 2023]. В одноимённом центре этого региона, по словам моей информантки (местной уроженки), доля христиан снизилась с 20–25% до 1–2%⁹. В дамаскомском пригороде Арбин, долгое время находившемся под контролем боевиков, до 2011 г. насчитывалось порядка 2 тыс. христианских семей (т. е. 6–8 тыс. человек)¹⁰. При этом, по моим личным наблюдениям, в 2023 г. христианский квартал, прилегающий к местному храму, был фактически необитаем.

В других районах Сирии, где шли активные боевые действия, количество христиан также резко сократилось. Среди них и два крупнейших, наряду с Дамаском, центра христианства страны – Алеппо и Хомс. По словам одного из моих собеседников, бывшего на момент разговора депутатом Народного Совета САР от Алеппо, за годы конфликта от 200-тысячной христианской общины этого мегаполиса осталось лишь 40–50 тыс. Ещё один информант – хорошо осведомлённый о происходящем «на земле» выходец из Алеппо – также оценивал ситуацию как катастрофическую: «В Сирии только Идлиб зачищен от

² В силу высокой чувствительности ряда затрагивавшихся вопросов все беседы велись на условиях анонимности.

³ В 2018–2024 гг. я являлся сотрудником Посольства России в Сирии.

⁴ Данные Римской курии, несмотря на отдельные странности, в целом подтверждают общий тренд – массовую эмиграцию христиан из САР – и, несомненно, представляют значительный интерес для исследователей.

⁵ Запрещённая в России террористическая организация.

⁶ Из состоявшейся в декабре 2023 г. беседы с католическим священником, служившим в Идлибе и находившимся в тот момент проездом в Дамаске.

⁷ Запрещённая в России террористическая организация.

⁸ Из проведённой в сентябре 2022 г. беседы с сирийской сотрудницей одной из местных НКО, регулярно бывавшей в то время в Дейр-эз-Зоре.

⁹ Конечно, к оценкам, основанным на ощущениях, а не реальной информации, стоит относиться с аккуратностью. Однако они, несомненно, весьма иллюстративны и даже если не вполне верны «по букве», то однозначно отражают «дух» произошедших изменений.

¹⁰ Со слов человека, жившего в Арбине до конфликта.

христианского присутствия сильнее». По данным Ватикана, число восточных католиков в епархиях Алеппо снизилось вдвое – с 81,5 тыс. до 37,6 тыс. человек [The Hierarchy, 2025]. По состоянию на 2022 г. как минимум на две трети, с 55–60 тыс. до 20 тыс., а то и сильнее – до 8–15 тыс. человек – сократилась армянская община города [Петросян, 2022, с. 55].

Что касается Хомса, то, по информации служителя собора «Умм Зиннар», количество сиро-яковитов¹¹ в одноимённом административном центре региона в 2011–2023 гг. уменьшилось в два раза – с 40 тыс. до 20 тыс. Осведомлённый сотрудник местной епископии Антиохийской Православной Церкви¹² сообщил, что за тот же период число прихожан в епархии сократилось в три раза – со 150 тыс. до 50 тыс. человек, и это притом, что некоторые её районы были на протяжении всего конфликта «тихими гаванями», куда стекались другие христиане из охваченных конфликтом мест! При этом восточнокатолические общины Хомсского диоцеза, по крайней мере, по данным Святого Престола, сократились лишь на 1 тыс. человек – с 40 тыс. до 39 тыс.¹³ [The Hierarchy, 2025].

Непростая ситуация сложилась и в сельских поселениях в районах, которые не были напрямую затронуты боевыми действиями. Так, житель расположенного в провинции Хомс н.п. Каттына, большинство жителей которого – православные, занятые в аграрной сфере, сообщил мне в январе 2023 г., что из 10,4 тыс. человек, живших там до конфликта, уехало как минимум 2,5 тыс., т. е. порядка четверти населения, и процесс этот на момент беседы набирал обороты: «Каждую неделю уезжает 4–5 человек». Другой информант, регулярно бывавший в христианском посёлке Машта-аль-Хилу в провинции Тартус, где, по его замечанию, «за всю войну не прозвучало ни одного выстрела», сообщил, что численность населения там сократилась по меньшей мере в три раза – с 3 тыс. до 1 тыс. человек, причём прежде всего – за счёт эмиграции за рубеж. Аналогичная динамика, по его словам, наблюдалась и в окрестных, меньших по размеру, поселениях: «Там остались только старики. Если кто-то умирает – их даже похоронить некому»¹⁴.

Исследователями ближневосточного христианства давно подмечена связь между наличием значимого количества сельского населения и жизнеспособностью местных христианских сообществ. Так, классик отечественных восточных христианских штудий К.А. Панченко отмечал: «Только те восточнокатолические общины, которые сохранили связь с “почвой”, имели в своём составе значительную прослойку крестьянства – консервативного хранителя традиции, смогли выжить и просуществовать до наших дней» [Панченко, 2021, с. 148]¹⁵. На современном палестинском материале этот же тезис подтверждал арабский автор Фуад Фарах: «Исследования показывают, что среди христиан, занятых в крестьянском труде, как, например, в деревне Иблин, эмиграция незначительна...» [Фарах, 2012, с. 212]. В этом контексте приведённые выше сведения о «вымывании» христиан не только из городов, но и из сельской местности (где их к 2011 г. и так оставалось мало [Loosley, 2006, p. 14]), включая районы, не затронутые конфликтом напрямую, выглядят по-настоящему угрожающими.

¹¹ Последователи древневосточной Сирийской (Сиро-Яковитской) Православной Церкви, входят в число крупнейших христианских общин Сирии.

¹² Одна из поместных православных церквей, состоит в евхаристическом общении с Русской Православной Церковью. Её прихожане являются крупнейшей христианской общиной САР.

¹³ Такую «странность» скорее всего стоит объяснять притоком в Хомс из Заевфратья сиро-католиков и халдеев, бежавших от «Исламского государства».

¹⁴ Аналогичную ситуацию в 2013 г. зафиксировал Самер Масух для н.п. Умар-аль-Хусн в Вадан-Насара [Masouh, 2015, p. 91].

¹⁵ Замечательной иллюстрацией к этому тезису К.А. Панченко являются слова одного моего информанта-фермера. Поясняя свой принципиальный отказ от эмиграции, он подчеркнул: «Я люблю свою страну, свою землю. К земле я очень привязан».

На этом отнюдь не радужном фоне на первый взгляд выгодно выделяются некоторые районы компактного проживания христиан, где они, по крайней мере, по оценкам моих информантов, более-менее сохранили свою численность на доконфликтном уровне. Это касается достаточно крупных полностью христианских городов Мхарда (порядка 24 тыс. жителей) и Скайлябия (ок. 17 тыс.), расположенных к северо-западу от крупного административного центра г. Хама; самого г. Хамы, где на начало 2024 г. сохранялась община численностью в 5–7 тыс. человек; г. Сафита в провинции Тартус (до конфликта – ок. 20 тыс. жителей, преимущественно христиан и алавитов); а также конгломерации трёх десятков христианских посёлков Вади-ан-Насара (букв. «Долина Христиан») на западе провинции Хомс. Однако даже сохранение численности подразумевает серьёзный уровень эмиграции. В этих районах не было обусловленного конфликтом резкого скачка смертности¹⁶, следовательно, за прошедшие 12 лет численность общины должна была увеличиться за счёт рождаемости¹⁷. Таким образом, демографическую стагнацию в перечисленных районах следует, по-видимому, трактовать следующим образом: там также имела место значительная эмиграция населения, однако его убыль была компенсирована, во-первых, новорождёнными, во-вторых (в меньшей степени) – переселенцами из других районов страны.

Если резкое снижение численности общины, особенно в относительно небольших населённых пунктах, хорошо заметно местным жителям, то менее значительные колебания, тем более происходящие в крупных городах, улавливаются хуже, если вообще улавливаются. В этом смысле сложнее всего обстоит дело с Дамаском. Ситуация дополнительно осложняется тем, что христиане столицы массово проживают не только в моноконфессиональных районах (Аббасин, Баб-Тума, Кассаа), но и в «смешанных» кварталах – прежде всего, в Жерамане¹⁸, Дувейле и Таббале, а после начала конфликта ещё и в изначально алавитском Меzze-86 (Меzze-Джебель), а также – правда, в значительно меньших количествах, – в преимущественно суннитских, таких как Мидан, Мальки, Машруу Думмар. Неудивительно, что мои дамасские информанты, сходясь в том, что численность христианской общины столицы в годы конфликта уменьшилась, затруднялись с определением параметров произошедшего сокращения. Однако другие источники в состоянии помочь с оценкой этих изменений. Согласно имеющейся статистике Римской курии, число последователей восточнокатолических деноминаций в столице снизилось с 2009 по 2020 г. в 9,5 раз (!) – с 197,5 тыс. до 21 тыс. человек. Основную «просадку» дают мелкиты, количество которых (на мой взгляд, не вполне правдоподобно) сократилось в 50 раз – со 150 тыс. до 3 тыс. У остальных конфессий динамика также резко отрицательная: община сиро-католиков уменьшилась в два раза с 14 тыс. до 7 тыс., маронитов – в 2,5 раза с 16 тыс. до 6 тыс., армян-католиков – в 3,5 раза, с 17,5 тыс. до 5 тыс. [*The Hierarchy*, 2025]. Даже если мысленно «скорректировать» сильно отклоняющееся от общих значений падение численности греко-католиков до «средних» в 2–3 раза, мы всё равно получим значимое сокращение дамасской католической общины. К 2022 г. в столице примерно в два раза – с 7–10 тыс. до 4–5 тыс. снизилось число армян [Петросян, 2022, с. 56]. Почти наверняка такая же тенденция характерна и для православных с сиро-яковитами. И даже если темпы эмиграции среди них были ниже (отмечу, что

¹⁶ Несмотря на то, что те же Мхарда и Скайлябия располагались фактически на линии фронта, организованные в них христианские милиции при помощи ВС САР сумели дать отпор боевикам.

¹⁷ В Сирии и накануне кризиса, и на почти всём его протяжении, за исключением буквально пары лет, фиксировался естественный прирост населения. Так, аналитики ЦРУ полагали, что в 2023 г. он составил 1,67% [*CIA World Factbook*, 2025].

¹⁸ Крупнейший столичный пригород (административно не является частью Дамаска, но непосредственно прилегает к городу). По оценкам самих сирийцев, в нём проживает более 1 млн человек. Причём если до 2011 г. христиане составляли примерно половину от населения Жераманы, то затем, из-за приезда огромных масс переселенцев-суннитов, прежде всего с востока страны, этот показатель существенно снизился.

никаких сведений на этот счёт у меня нет), а часть эмигрантов «замещалась» внутренними переселенцами, резонно утверждать, что число христиан в столице также заметно снизилось (не менее чем в два раза, а скорее – ещё сильнее).

Непосредственно боевые действия и деградация ситуации в сфере безопасности были первой, но не единственной и, возможно, не главной причиной массового отъезда сирийских христиан за рубеж. Так, например, с конфликтом напрямую связан ещё один, релевантный прежде всего для мужчин, мотив к отъезду: стремление избежать призыва на воинскую службу. Многие мои информанты отмечали его среди важнейших стимулов эмиграции христиан, «оправдывая» своих единоверцев тем, что они «традиционно миролюбивы»¹⁹. С завершением в 2018 г. активной фазы боевых действий на большей части территории страны причины для эмиграции не исчезли (собственно, несмотря на снижение интенсивности конфликта, тот же призыв в армию прекращён не был). Напротив: худшее было впереди.

По мнению сразу нескольких моих собеседников, ужесточение западных антисирийских экономических санкций в 2019 г., которое, наряду с фактической оккупацией США нефтеносных восточных районов, «добило» страну, в короткие сроки обрушив уровень жизни населения до откровенной нищеты, придало эмиграции новый импульс. В этой связи одна моя информантка заметила: «Когда на головы падали мины, люди, конечно, жили не в достатке, но могли хотя бы заплатить за еду и воду. Теперь же у них ничего не осталось...». Ей вторил другой собеседник: «До 2018 г. существовала прослойка христиан, не стремившихся уезжать – люди “свободных профессий”, т. е. врачи, инженеры. Однако затем их доход существенно снизился, и они были вынуждены эмигрировать». С этим мнением был согласен и общавшийся со мной сотрудник бюджетной сферы, в полной мере ощутивший на себе последствия западных рестрикций: «Экономическая война гораздо хуже обычной».

Ещё одной причиной эмиграции христиан до конца 2024 г. были их опасения за своё политическое будущее в стране в случае наступления серьёзных политических изменений. Как заметил в начале 2024 г. один из моих собеседников: «Сегодня меня, как христианина, во власти никто не представляет²⁰. Если завтра сядут за стол переговоров [о будущем Сирии – Т.Б.] – я не буду за этим столом. Это ощущение усиливает миграцию». Приход к власти «Хейат Тахрир аш-Шам» доказал справедливость таких опасений и, без сомнения, придал процессу отъезда христиан за рубеж дополнительный импульс.

Все эти факторы обусловили общее без преувеличения трагическое представление христиан как о будущем Сирии в целом, так и о своих перспективах в стране в частности. Они были готовы идти на радикальные перемены, включая резкое снижение собственного социального статуса, лишь бы иметь уверенность в завтрашнем дне. Бывший директор поликлиники, который, переехав в Канаду, был вынужден работать курьером, пояснял: «Это ради моих детей, в Сирии у них нет будущего»²¹.

Массовая эмиграция сирийских христиан, помимо сохранения (и даже обострения в последнее время) перечисленных выше причин, усугубляется ещё двумя факторами.

¹⁹ Справедливости ради необходимо отметить, что в районах, преимущественно сельских, где христианам угрожала реальная опасность от боевиков успешно действовали местные христианские ополчения (в т.ч. в Вади-ан-Насара, Сейднае, Мхарде, Скайлябии, а также в Заевфратье в составе преимущественно курдского военного альянса «Сирийские демократические силы»).

²⁰ Мой информант имел в виду не отсутствие политической представленности христиан как таковой, а отсутствие в их среде по-настоящему сильных политических фигур. В качестве примера он привёл влиятельного руководителя президентской администрации друга Мансура Аззама.

²¹ Записано со слов информанта, лично знакомого с этим человеком.

Во-первых, из САР почти поголовно уезжает христианская молодёжь, что ставит под вопрос возможность регенерации общины в будущем. Думаю, можно без преувеличения сказать, что христианская семья, в которой все совершеннолетние представители младшего поколения проживают в Сирии – редкое исключение. В этом смысле характерны личные «досье» моих информантов. У одной семейной пары за границей проживали оба ребёнка, у другой – два из трёх (третий не мог переехать по состоянию здоровья). Ещё у одного собеседника (35 лет) младшая сестра и её жених, также христианин, незадолго до нашего разговора переехали в Германию. Информант из Каттыны, обе дочери которого также переехали в Европу, резюмируя наш разговор о демографии, горестно констатировал: «Уезжает прежде всего молодёжь. Это поколение – отрезанный ломоть».

Во-вторых, не приходится ожидать массового возвращения уехавших даже в случае стабилизации ситуации в сфере безопасности и выхода страны из экономического пике. Сирийские христиане в массе своей весьма успешно интегрируются в принимающие их общества благодаря своей высокой образованности, знанию европейских языков и наличию в странах эмиграции ранее уехавших и уже закрепившихся там старших родственников и друзей. Кроме того, как уже было сказано, христиане переезжают преимущественно в западные страны²², уровень жизни в которых ещё долгие годы будет заметно выше сирийского.

Необходимо сделать и ещё два замечания. Во-первых, по мнению моих информантов, большинство христиан, покинувших свои дома, уехали именно за границу, а не в другие районы Сирии. Этот тезис подтверждается и ватиканской статистикой, почти не фиксирующей прироста отдельных епархиальных общин, который должен был бы произойти в случае массовых миграций внутри страны. Во-вторых, конечно, почти все мои собеседники (кроме, пожалуй, алеппского депутата, жителя Каттыны и сотрудника Хомсской епископии), отвечая на вопрос о демографической динамике в знакомых им районах, не оперировали конкретными сведениями, а опирались на собственные, вполне возможно, далеко не самые точные ощущения. Однако, как представляется, тот факт, что все они в унисон друг с другом, данными Римской курии и свидетельствами других очевидцев, зафиксированными в различных СМИ, говорили о значимом снижении числа христиан как в стране в целом, так и в отдельных её районах в частности (а в самом лучшем случае предполагали сохранение доконфликтной численности общин в тех или иных местностях), весьма показателен и позволяет утверждать, что налицо общее существенное снижение количества христиан САР.

Необходимо отметить также, что после 2011 г. из Сирии, естественно, уезжали далеко не только христиане: по словам одного из моих собеседников, «эмиграция стала мечтой для каждого вне зависимости от его религиозной принадлежности». Другое дело, что возможности у всех были разными, а у христиан, в силу уже отмеченных выше факторов, их было в среднем больше. Отечественный арабист К.М. Труевцев, проанализировав демографические изменения в САР на 2015 г., пришёл к выводу, что «арабы-сунниты... утратили позиции абсолютного этноконфессионального большинства» [Труевцев, 2018, с. 238]. Однако этот факт, если он и вправду имел место, следует объяснять прежде всего более медленными темпами эмиграции алавитов, друзов и курдов, вместе составлявших к 2011 г. более четверти населения САР. Кроме того, необходимо иметь в виду ещё два фактора. Во-первых, как было отмечено выше, прирост населения в стране сегодня дают нехристиан-

²² Прежде всего те, где уже существовали крупные диаспоры сирийских христиан: Германия, Швеция, Франция, Бельгия, Канада, Австралия и др. Процент христиан среди сирийцев, проживающих в качестве беженцев в Турции и Иордании, незначителен. Уехавшие же в Ливан и Ирак обычно рассматривают эти страны как «трансплин» в государства Запада.

ские общины. Во-вторых, христиане, как уже было сказано, практически не возвращаются из эмиграции, в отличие от тех же суннитов, многие из которых в последние годы, не сумев достойно устроиться за границей, прежде всего – в соседних с САР государствах, приняли решение возвратиться домой (при этом, конечно, добровольных репатриантов до прихода к власти «Хейат Тахрир аш-Шам» было относительно немного – вероятно, сотни тысяч, но точно не миллионы). Кроме того, с начала 2020-х гг. та же Анкара использовала широкий арсенал мер по принуждению к репатриации проживающих в Турции сирийских беженцев, подавляющее большинство которых – арабы-сунниты.

Суммируем сказанное выше. В отдельных регионах Сирии (Идлиб, Дейр-эз-Зор, долина р. Хабур) христианское присутствие сведено практически к нулю. Община Алеппо, одна из крупнейших в стране, сократилась примерно в четыре раза. В других значимых центрах христианского присутствия – Дамаске и Хомсе – фиксируется дву-, а скорее даже более чем трёхкратное снижение. Лишь нескольким населённым пунктам (Мхарда, Скайлябия, Сафита, деревни в Вадии-ан-Насара), в которых в сумме проживает несколько десятков тысяч христиан, удалось более-менее сохранить довоенную численность. Вывод напрашивается неутешительный: очевидно, что начиная с 2011 г. христианская община Сирии сократилась по крайней мере в три раза, а в процентном отношении к населению страны – ещё сильнее.

В первой части статьи было показано, что накануне конфликта в стране скорее всего проживало ок. 1,3 млн христиан, составлявших примерно 6% от всего населения. Следовательно, при самых оптимистичных раскладах, к концу 2024 г. в Сирии оставалось 450 тыс. христиан. Если взять наименьшую из имеющихся оценок населения страны на данный момент – 18 млн человек [Marlowe, 2024], – мы получим цифру в 2,5% христиан. Однако Всемирная организация здравоохранения, Всемирный Банк, ЦРУ и вообще большинство других структур, публикующих демографическую статистику, оценивают численность населения САР примерно в 23–24 млн человек [CIA, 2025; World Bank, 2025; World Health Organization, 2025]. И если эти данные верны, получается, что доля христиан в стране к концу 2024 г. в лучшем случае составляла чуть менее 2%.

При этом основные причины «опережающей» эмиграции христиан из Сирии – напряжённая ситуация в сфере безопасности, затяжной экономический кризис, неуверенность в политическом будущем – не только не исчезли, но в последнее время резко усугубились: под вопросом находится даже возможность свободного исповедания своей религии. Данные факторы стимулируют активное продолжение оттока христиан из САР, который, к тому же, сопровождается крайне тревожными тенденциями: сокращением сельского христианского населения, традиционно служившего залогом сохранения общины как таковой; преимущественным отъездом граждан репродуктивного возраста; фактически нулевой репатриацией. Всё это, увы, подводит нас к мысли о том, что в настоящее время мы являемся свидетелями настоящей «дехристианизации» Сирии. При этом обратимость этого процесса, с учётом сказанного выше, а также невысокой вероятности того, что побудительные причины эмиграции в обозримом будущем будут хотя бы купированы, вызывает глубокие сомнения. Фиксируемое сокращение христианской общины до пренебрежимо малых значений – 2% или, возможно, даже менее от общего населения страны²³ – с большой долей вероятности будет использовано новыми властями в качестве основного аргумента для её маргинализации в общественно-политическом пространстве страны в предстоящий

²³ Ситуация усугубляется дисперсным расселением христиан Сирии. Например, друзья (ок. 3% от населения страны), в основном компактно проживают в южной провинции Сувейда и составляют там подавляющее большинство населения, что даёт им возможность организации согласованных действий, при необходимости даже и силовых. Христиане же, «разбросанные» по всей стране и являющиеся большинством лишь в некоторых городках и сельских поселениях, расположенных в инорелигиозном окружении, таких возможностей лишены.

период²⁴, что дополнительно подстегнёт эмиграцию и окончательно отобьёт желание возвращаться у уже уехавших.

В качестве постскриптума сделаю ещё одно замечание. Как я писал в части I, христиане на протяжении всего правления в Сирии партии «Баас» (1963–2024) были одной из наиболее лояльных ей групп населения, поскольку видели в ней гарантию недопущения прихода к власти радикальных исламистов. Следовательно, продолжавшееся по крайней мере с 1960-х гг. сокращение доли христиан в составе населения страны необходимо оценивать в т. ч. и как вымывание одной из «опор» властей, ослабление их социальной базы²⁵. Этот процесс, как представляется, был, конечно, не главным, но всё же весьма существенным фактором, обусловившим постепенное снижение возможностей баасистских правительств реагировать на внутренние угрозы. На рубеже 1970–1980-х гг., когда христиан было ок. 10%, Дамаску удалось не допустить полномасштабной гражданской войны и нанести сокрушительное поражение «Братьям-мусульманам»²⁶. К началу в 2011 г. вооружённого конфликта доля христиан уже находилась в районе 6%. К моменту падения правительства Башара Асада в декабре 2024 г., как мы видели, христиан было всего ок. 2%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Боков Т.А. Демографические процессы в сирийской христианской общине во второй половине XX – начале XXI вв. Часть I: Сколько христиан было в Сирии в 2000-х гг.? *Восток (Oriens)*. 2025. № 5. С. 168–178 [Bokov T.A. Demographic Processes in the Syrian Christian Community, Second Half of the 20th – Early 21st Century. Part I. How Many Christians Were There in Syria in the 2000s? *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 5. Pp. 168–178 (in Russian)].

Панченко К.А. *Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831*. М.: Индрик, 2012 [Panchenko K.A. *Middle Eastern Orthodox Christianity under the Ottoman Rule. First Three Centuries. 1516-1831*. Moscow: Indrik, 2012 (in Russian)].

Петросян А.Г. Демографические последствия сирийского конфликта для армянской общины Сирии. *Восточный курьер*. 2023. №3. С. 50–60 [Petrosyan A.G. Demographic Consequences of the Syrian Conflict for the Armenian Community of Syria. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 50–60 (in Russian)].

Сирийская Арабская Республика. О стране. *МИД России*. https://www.mid.ru/ru/maps/sy/?FILTER=SECTION=116&COUNTRY_CODE=sy [Syrian Arab Republic. About the Country. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. https://www.mid.ru/ru/maps/sy/?FILTER=SECTION=116&COUNTRY_CODE=sy (accessed 20.01.2025) (in Russian)].

Труевцев К.М. Этапы сирийского конфликта и перспективы исхода. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 16: Арабский мир в русле текущей политики*. М.: ИВ РАН, 2018. С. 225–239 [Truevtsev K.M. Stages of the Syrian Conflict and Prospects of its Outcome. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 16*. Moscow: IOS RAS, 2018. Pp. 225–239 (in Russian)].

²⁴ «Первой ласточкой» этого процесса, по-видимому, стали прошедшие в Сирии в октябре 2025 г. парламентские выборы (заметим: не прямые, а с участием комиссий выборщиков), в результате которых среди 140 новоиспечённых депутатов христианами оказались лишь двое [Syrian Observer, 2025].

²⁵ Причём замешалась христианская компонента преимущественно суннитами из бедных и беднейших слоёв населения, наиболее склонными к оппозиционной деятельности.

²⁶ Запрещённая в России террористическая организация.

Фарах Ф. *Живые камни. Арабские христиане на Святой Земле*. М.: Библос консалтинг, 2012 [Farah F. *The Living Stones: The Christian Arabs in the Holy Land*. Moscow: Biblos konsalting, 2012 (in Russian)].

Ashdown A.W.H. *Christian-Muslim Relations in Syria. Historic and Contemporary Religious Dynamics in a Changing Context*. London and New York: Routledge, 2021.

Heyberger B. *Les chrétiens au Proche-Orient. De la compassion à la compréhension*. Paris: Manuels Payot, 2013.

International Religious Freedom Report. 2005. Syria. *U.S. Department of State*. <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2005/51610.htm> (accessed: 22.12.2024).

International Religious Freedom Report. 2023. Syria. *U.S. Department of State*. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2024/04/547499-SYRIA-2023-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed 22.12.2024).

Last Christian in Idlib recalls his community. *Al-Monitor*. 17.01.2022. <https://www.al-monitor.com/originals/2022/01/last-christian-idlib-recalls-his-community> (accessed: 20.01.2025).

Loosley E. Christianity in Contemporary Syria. *Living Stones Magazine*. May 2006. No. 28. Pp. 13–14.

Marlowe O. The Syria Crisis, Explained. *Concern Worldwide US*. 12.03.2024. <https://concernusa.org/news/syria-crisis-explained/> (accessed: 05.03.2025).

Masouh S. Tension in the Christian Valley (Wadi al-Nasara 2013). *Playing the Sectarian Card Identities and Affiliations of Local Communities in Syria*. F. Stolleis (ed.) Beirut: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015. Pp. 90–101.

Middle East: “Fewer Catholic schools means more extremism”. *Aid to the Church in Need*. 27.11.2023. <https://acninternational.org/middle-east-fewer-catholic-schools-means-more-extremism/> (accessed: 22.12.2024).

Population, total – Syrian Arab Republic. *World Bank Group*. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=SY> (accessed 04.03.2025).

Rahma B. *Al-Wajh al-mafqoud li-l-masihiyin fi Suria: tarikhuhum alhaqiqi, hadiruhum wa-l-amal bi-taf'il adwarihim* (Утраченное лицо христиан Сирии: их истинная история, настоящее и надежда на усиление роли). Бейрут: Дар аль-Машрик, 2022 [Rahma B. *The Lost Face of Syria's Christians: Their True History, Present, and Hope for a Stronger Role*. – Beirut: Dar al-Mashrik, 2022 (in Arabic)].

‘Stranger in our own homes’. A waning Assyrian community holds on in the northeastern Syria. *Syria Direct*. 21.03.2023. <https://syriadirect.org/strangers-in-our-own-homes-a-waning-assyrian-community-holds-on-in-northeastern-syria/> (accessed 20.01.2025).

Syria. People and Society. *CIA. The World Factbook*. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/syria/#people-and-society> (accessed 20.01.2025).

Syrian Arab Republic. Data. *World Health Organization*. <https://data.who.int/countries/760> (accessed: 04.03.2025).

Syrian People’s Assembly: Weak Representation of Women and only Two Seats for Christians. *Syrian Observer*. 07.10.2025. <https://syrianobserver.com/syrian-actors/syrian-peoples-assembly-weak-representation-of-women-and-only-two-seats-for-christians.html> (accessed 20.12.2025).

The Hierarchy of the Catholic Church. <https://catholic-hierarchy.org> (accessed 28.01.2025).

World Christian Database. <https://www.worldchristiandatabase.org/> (accessed: 01.03.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОКОВ Тимофей Александрович – кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Timofey A. BOKOV, PhD (History), Associate Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia.